

Александр Ярославский

Аргонавты Вселенной

(Роман-утопия)

От автора

В дни, когда в Америке астроном Годдар готовится к практическому опыту посылки космической ракеты, когда у нас в Москве уже организовано общество межпланетных сообщений, — этот роман, написанный более двух лет тому назад, несколько устарел.

Утопия близится к реальности на глазах живущих.

Но мне милы наивные и немного старомодные герои этого романа. И мне думается, что моя попытка описания возможного межпланетного полета найдет отклик у всех пресытившихся суголокой земли и иногда с надеждой и вопросом подымающих глаза к звездам...

Александр Ярославский. 23-го
февраля 1925 года. МОСКВА.

Глава 1. Чемберт

...И день и ночь работало радио. Сотрясались высокие башни от упругих искровых ударов. И нежно звенела певучая антенна.

А рядом еще выше, еще безумнее поднимались башни. Спешно заканчивали новую станцию. Суетились рабочие.

Проходили туземцы, работавшие на насыпи. Было оживленно и шумно. Работы подходили к концу, но Чемберт испытывал недовольство...

Уже две недели он не получал никаких известий из Парижа... И все чаще его взгляд с неопределенным вопросом обращался к громадному эллингу, скрывавшему окутанное парусиной и брезентом железное тело «Победителя». Распоряжался Чемберт спокойно и властно.

Выбритый, чистенький, с неизменным пробором и папироской, безукоризненно точный, холодный и выдержанный, — сын латыша и англичанки, он по-прежнему выполнял порученную ему работу. Что ж! Он, конечно, не гений, как Горянский, он ничего не сможет выдумать или изменить, но свою часть работы он доведет до конца!.. — Что теперь с Горянским?.. Заболел он? Может быть арестован?..

— Удался опыт или нет? — Или, может быть,

у него не хватило денег? — Тысячи предположений возникали сразу и перепутывались. Но нельзя было показывать даже намека на неопределенность и сомнения. — Вера в Горянского была слишком велика; половина рабочих работала в кредит. Если бы у них мелькнула хоть тень догадки, — предприятие бы распалось. — Банкроты!.. — Да, если не вернется Горянский, — они банкроты!.. Впрочем, припасов хватит еще на три месяца. Горянский может вернуться... А если они заговорят о плате, если захотят домой, если откажутся работать, — тогда?

Нет!.. Этого не будет!.. Гениальная попытка не может окончиться так пошло и глупо какой-то Панамой...

— А если — все-таки? — Узловатая рука Чемберта погладила нервно холодное тельце браунинга в кармане, — он заставит! — Перестреляет половину, если понадобится, или умрет сам... — Впрочем, нет, глупости!.. — При чем здесь Панама? — Горянский ведь не Лессепс!.. Тут, конечно, другие... совсем другие причины. — Но что бы то ни было, а свою часть работы Чемберт доведет до конца!

— «Господин Чемберт! Господин Чемберт!» — к нему черненьким клубочком подкатился маленький негритенок Мукс.

— «Новости! — необыкновенные новости: —

мы перехватили американское и французское радио! — Вас просят к аппарату, господин Чемберт!»

— Радио... Париж... Горянский!.. — у Чемберта заискрились глаза и напряглись ноздри. Он вздрогнул и, нервно сутулясь, зашагал в аппаратную.

Маленькая лестница. Металлические колонны, изящные и мощные, как легкий абрис Эйфелевой башни. Желтые медные наконечники выключателей и спокойный, четкий, немного танцующий ритмический стук аппаратов. Телеграфист в громадной предохранительной каске, неуклюжий, смешной и немного похожий на водолаза, что-то суетливо показывает ему, оживленно жестикулируя. Его лицо в каске странно гримасничает. И Чемберту кажется, что это — средневековый Мефистофель издевается над ним здесь, в аппаратной.

...Разочарование! — тяжелое и острое, неожиданное и грубое, как удар кулаком в сердце, — это не Горянский!

Чемберт изнеможенно опускается на кожаное сиденье стула. — Который раз!.. Который раз его зовут на аппарат для того, чтобы он выслушивал какие-нибудь глупости, а от Горянского — ни слова!.. — Ах, разорвать бы эти глупые бесполезные проволоки!.. Какое ему дело до всего

остального мира, до политических новостей, до этой нелепой бессмысленной войны, до визитов коронованных идиотов друг другу!.. До этих рабочих стачек! Все равно из этого никогда ничего не выйдет!.. — Разве могут рабы обойтись без кнута и погонщика?! — Да и что ему до этого, если радио молчит о Горянском?

Но телеграфист по-прежнему размахивает руками и по-прежнему сует Чемберту длинную узкую бумажку с рядами черточек, цифр и точек. И, наконец, сквозь ритмический стук приборов до сознания Чемберта долетают какие-то слова и упорно, сквозь безразличие и разочарованность проталкиваются в мозг: — «Гражданская война в России... Правительство Николая второго свергнуто... Революционеры захватили власть... Братания на фронте... Русская революция опасна: есть симптомы, указывающие, что она может превратиться в международную... Беспорядки на почве голода в Германии... Русский царь захвачен и арестован революционерами...» Брови Чемберта удивленно приподымаются: неужели из этого, действительно, что-то вышло!.. Рабы без погонщика?! Россия без царя?! Как это удивительно!.. Страна дикарей и рабов, страна малоподвижных тупых крестьян, где, казалось, было невозможно никакое свободное течение мысли, — и вдруг!..

— Неужели это, действительно, конец самодержавия?! С телеграфистом происходит нечто невозможное: он сбрасывает свою неуклюжую шапку и бежит, взволнованно крича, мимо Чемберта, вниз по металлической лесенке. Чемберт изумленно смотрит вниз. — Ведь вовсе не смешно теперь без каски этот стройный, бледный человек со смуглым семитическим типом лица! До Чемберта, который хотя плохо, но все же понимает по-русски, доносится голос телеграфиста, тонкий, острый и жалобный, отдаленно напоминающий плач. Проходящие рабочие останавливаются. У аппаратной собирается небольшая группа.

— «Братья!.. Товарищи!.. В России революция!.. Сейчас мы перехватили американское радио... Царь Николай Романов арестован!.. Пришла, пришла, наконец, и к русским свобода!..»

— «Братья! Мне не давали учиться в России... Моя мать убита во время еврейского погрома...» — слова телеграфиста переходят в рыдание.

— «Долго терпели мы, евреи! Долго терпел весь народ, но есть справедливость, есть возмездие!..»

Голос его прерывается. К телеграфисту подбегает русский рабочий. Говорят все вместе, шумно, непонятно и несвязно; рабочие бросаются на шею телеграфисту, — целуются... Чемберт с удивлением и с некоторым испугом смотрит вниз:

— «Да, эти русские... Видно наболело у них на сердце много и долго... Экспансивный народ! Вот и Горянский такой!.. Нервный, впечатлительный, чуткий, но в то же время решительный, героически-смелый... О, этот не станет плакать — нет! Он, когда нужно, сумеет быть острее стали, тверже гранита...»

Чемберт вспомнил шестой год в России. Баррикады в Москве. Себя и Горянского. Подъезжавших казаков, наведенный пулемет и застывшую наверху у красного знамени фигуру Горянского, красивого и спокойного под выстрелами, улыбавшегося радостно и по-детски наивно в глаза неизбежной смерти.

Он вспомнил, как схватил его, — тогда почти мальчика еще — в охапку, вместе со знаменем, и унес, спас чудом от неминуемой бессмысленной гибели...

— Где теперь Горянский? — Почему нет известий? — Что с ним? — Доведут ли они до конца это грандиозное дело, которое затеяли вместе? Но вдруг остро, сквозь печаль, сквозь воспоминание, одна практическая сегодняшняя мысль деловито постучалась в мозг: — эти русские! — этот телеграфист, который должен быть у аппарата!.. Как бы это не помешало работе?! Надо прекратить это!

Чемберт встал, сразу сухой и бесстрастный,

чтобы спуститься к шумевшей, жестикулирующей кучке. — Вдруг звонок негромкий, но продолжительный и настойчивый ударил в сознание и уши:

Раз... Два... Три... Четыре... Пять!..

Три — Россия. Семь — Америка. Пять!..
Радио-телефон!..

— Нет сомнений: Горянский звонит из Парижа!..

С легким стуком отпала крышка прибора; забыв все на свете, Чемберт бросился к слуховой трубке. — Что это? — Женщина! — Значит говорит не Горянский!..

— Кто же это может быть? — Мать Горянского умерла!.. Сестра тоже... Кто же это?

Голос женщины тихий, нежный, вдумчивый и далекий тонкой струей вливался в напряженное сознание Чемберта.

— «Говорит Елена Родстон из Парижа, по поручению Горянского... Попросите к телефону господина Чемберта».

— «Оль-райт! — Я, Чемберт, у аппарата, слушаю вас. В чем дело?» — и почему-то странно враждебно звучит голос Чемберта, — сам он не знает почему.

— «Мы с вами еще незнакомы, тов. Чемберт, — давайте будем знать друг друга! Я — Елена Родстон, невеста Горянского...»

— Что? Невеста?! Горянский женится?

Чемберт ошеломленно хлопает себя по лбу.

Но дальше, дальше!.. Проклятая девчонка, которая не может сразу перейти к делу!..

— «Горянский был болен, но вы не беспокойтесь, все благополучно, он уже поправляется, пока еще слаб. Он находится у меня: Улица Аллей 16, 81Б. — Говорю с вами по его просьбе. Через три дня вышлите за нами аэроплан; сами не отлучайтесь. Ваше присутствие на острове теперь более необходимо, чем когда-либо... Горянский нашел, что искал. — Больше говорить не могу — опасно. Аппарат вышлите маскированный. Ко мне являйтесь не сразу, а через несколько часов после прибытия. Успех близок; нужны лишь терпение и осторожность. Привет от меня и Горянского!»

С гулким стуком захлопнулась крышка. Слуховая трубка замолчала.

Радостный и ошеломленный откинулся Чемберт на спинку стула. — Горянский жив! Он нашел!.. Они почти у цели!

— Это главное!.. — И Чемберт радуется этому искренно и глубоко. — Но как в реке, чистой и прозрачной, все же на дне, по течению, грузно поворачиваются тяжелые камни, так и в радости Чемберта оседало что-то тоскливое и чуждое... Да, все это так естественно!..

Так и должно было случиться... А между тем никогда он не думал, что будет именно так! — Всегда представлял себя и Горянского рядом. Всегда считал он, что Горянский — его ребенок, ребенок гениальный, бесконечно больший, чем он сам, но все же — его, его, Чемберта, неотъемлемо... А вот теперь между ними, двумя становится третий, то есть нет, третья! И как-то сами собой наивно, обиженно и совсем по-детски опускаются углы рта у крепкого, как кремень, сухого и стойкого Чемберта.

— Ну что ж! — Горянский молод, ему мало его, Чемберта, дружбы, ему захотелось страсти, женского теплого тела, женской чуткости и ласки... Может быть, это и хорошо! — вот болен он; она, вероятно, ухаживает за ним... Он, Чемберт, несмотря на всю его преданность и любовь, не сумеет ведь создать всей той атмосферы тепла, ласки и уюта, которой так легко окружает женщина любящая и желанная...

— Что ж, пусть так! — Женщина победила! Пусть уходит к ней Горянский!.. Остается их дело, нужное, великое, которому Чемберт будет служить до конца!

И, подавив вздох, опять спокойный и бесстрастный, с лицом, точно застегнутым на все пуговицы, он говорит телеграфисту, который уже снова в неуклюжей шапке стоит перед ним,

смущенный своей недавней вспышкой, и мнет бумажки, чтобы скрыть свое замешательство, говорит сурово:

— «Делаю вам выговор, мистер Тамповский; какие бы интересные известия вы ни получили, все же до окончания дежурства нельзя отлучаться от аппарата!

Сейчас я получил телефонограмму от мистера Горянского: послезавтра мы отправим ему почту в Париж. Приготовьте копии наиболее интересных телеграмм, которые мы получали, и больше не смейте никуда уходить».

Телеграфист бормочет извинения срывающимся тонким голосом, плохо слышным сквозь шум приемников... Но Чемберт уже не обращает на него внимания. Берет трубку телефона. Соединяется с ангаром. И говорит спокойно, отрывисто и сухо, как капитан дредноута во время сражения:

— «Алло! Ангар!

— Говорит Чемберт!..

— Приготовить Л/З для отправки за мистером Горянским в Париж. Аппарат маскируйте. Взять бензину на три дня. — Отправление послезавтра в час дня. — Летит Джонни!..»

Чемберт вешает трубку телефона и сухой, бесстрастный, немного похожий на засушенную орхидею, идет осматривать работы.

Глава 2. Елена

Елена Родстон медленно шла по улице Аллей. Был веселый радостный солнечный день, и ей тоже было легко и радостно: Горянский лежал у нее и выздоравливал!..

— «Теперь он — мой!» — думала Елена. — «Эта напыщенная русская княжна, дочь генерала, такая красивая, с пышными волосами, не отнимет его у меня! — Ее дело проиграно!»

Да и теперь она, Елена, все равно не отдаст его!

— «Он — мой и больше ничей!..» — и сама не заметив, в такт мыслям, притопнула ботинком с невысоким английским каблуком.

Но что-то накидывало паутину грусти на игру радости; резкая прямая морщина прорезывала невысокий изящный лоб; забота, самая примитивная забота: нужно было достать для Горянского молока! Это было очень несложно, житейски просто и в то же время не совсем выполнимо. Кредит ее у лавочника давно иссяк. В булочной еще пока давали, но мясник и молочник вчера взбунтовались... И сейчас идти не стоит: все равно без денег ничего не дадут.

Елена еще в самом начале болезни Горянского истратила свои последние деньги, которых у нее вообще было очень недостаточно, и с тех пор жила

вместе с больным в кредит.

Правда, у лих были консервы, которые она захватила из лаборатории Горянского после пожара, но нужны были еще: какао, белый хлеб, сахар, молоко, главное — молоко!.. Доктор сказал, что молоко необходимо, и чтоб пил его Горянский как можно больше. Как же быть? В долг не дадут!.. Это определено... До прибытия аэроплана от Чемберта целых три дня! Раньше вызвать его никак нельзя!.. Она и так страшно опасается, как повлияет перелет на Горянского. — Три дня!.. Нужно по крайней мере шесть бутылок — самое меньшее! Он поправляется и с каждым днем пьет больше.

Продать или заложить пальто? — Но как взять его незаметно? И потом она ведь подстелила его Горянскому, чтобы ему было теплее и мягче. Взять у Горянского? — Нет!.. Ни за что на свете! — Он еще может подумать, что она пошла за ним из-за денег... Он ведь знает, что она бедная, очень бедная... Да и как она будет просить у него денег?! Она — просить! И потом: разговаривать о деньгах, когда он болен!.. И, наконец, ведь эти деньги — золото!.. Он сам не раз говорил ей раньше, что их мало, что их едва хватит на дело... Как же может она надоедать милому с такими глупостями?!

— Нет, она должна достать деньги сама, и — достанет... И вот Елена решилась на такую вещь, о которой долго потом вспоминала с величайшим

омерзением...

Владелец маленького кафе на повороте улицы Аллей, в котором Елена не бывала уже больше двух месяцев, преследовал ее своими ухаживаниями чуть не с первого дня ее появления в Париже. Елена решила зайти к нему. Стиснув зубы и вся сжавшись, нервно поеживаясь, как будто собираясь войти в холодную ванну, она открыла дверь в кафе, где в ранний утренний час еще никого не было...

— «Добрый день, мосье Фанкони!» — заговорила она, преувеличенно развязным тоном с хозяином, стоявшим за стойкой, и первая, с деланной игривостью, протянула ему руку.

— «Здравствуйте, милая барышня», — забормотал Фанкони, сластолюбиво поблескивая черными глазками, похожими на две круглых мелких маслины.

— «Я же говорил вам, что вы еще придете ко мне! Значит, понадобился старый знакомый!..»

— Да, в Париже Фанкони многим нужен!.. Фанкони все знают!.. — Какая вы сегодня хорошенькая! — прямо как богиня!..

— Нет, прямо три богини сразу; Диана, Аврора и Венера!.. Ваши губки, ваши глазки пленяют смертных, да и бес смертных я полагаю... Будьте же поласковее к любящему вас Фанкони! — Это будет хорошо и для него и для вас. — Не правда ли?..»

И он потянулся к ней через стойку. Елену чуть не стошнило, но надо было сдерживаться.

— «Мосье Фанкони, — прервала она его разглагольствования почти прежним тоном, — я пришла к вам за маленьким одолжением: у меня временные затруднения в редакции, где я работаю... задержали гонорар... — У них, кажется, нет сейчас денег; а мы с подругой хотим отпраздновать ее именины, так, знаете, по-русски, в вашем французском Париже, — чтобы всего было вдоволь...

Так вот не устроите ли вы нам взаимобразно две четверти молока, булок, печенья, ну там еще чего-нибудь? Я, разумеется, расплачусь с вами на днях...»

— «С удовольствием, мадемуазель Елена, с очень большим удовольствием!.. — Почему не сделать услугу такой приятной барышне, как вы? Но только, знаете, я не люблю давать в долг: какие могут быть долги, да еще с очаровательными барышнями?!. Наоборот, мы у вас всегда в долгу... Мы просто сделаем вам этот небольшой подарок...

— «Мальчик!» — обратился он к непроспавшемуся гарсону — «собери все, что просила мадемуазель! А вы, — продолжал он, обращаясь к Елене и нагло поблескивая глазками — тоже сделаете нам небольшой подарочек и зайдете ко мне сегодня вечером, часиков в девять на

чашку кофе. Зайдете, — не правда ли, миленькая?...» — повторил он почти просительно. Елена страшным усилием воли подавила непреодолимое желание плюнуть ему в физиономию, повернуться и уйти, — самое главное это — молоко для Володи!.. — В конце концов не все ли ей равно? А через три дня она с Горянским будет далеко от Парижа... А все-таки хорошо бы раза два сочно и смачно хлестнуть по жирной щеке этого пошляка!.. Но, подавив дрожь отвращения, она пробормотала:

— «Хорошо... хорошо... приду...»

— «Душечка! Ангел...» — расцвел просиявший Фанкони.

— «Вам, может, и деньги нужны?» — он выбросил на

стойку десятифранковую монету. — «Возьмите!..» Елена вспыхнула до корней волос, но опять сдержалась.

— «Унижаться так до конца!..» — подумала она. «Пригодится! Куплю Володе сахару и какао...» И опустила монету в карман. Через минуту шла Елена по улице, в сопровождении гарсона, нагруженного молоком и свертками, ощущая в кармане десятифранковик, который жег ей тело сквозь платье, сама удивляясь и стыдно любуясь тому, что сделала. И еще думала, что нет для любви ни высокого, ни низкого, когда делаешь для

любимого. И знала, что и жизнь свою, и любовь, и тело отдала бы до конца, и на самом деле продалась бы Фанкони, если бы это нужно было для спасения ее Володи... Солнечный свет окрылял и радовал... Думала, что сейчас увидит Володю... Уже соскучилась о нем за два часа утренних поисков. Воображала, как поцелует этот высокий гениальный белый лоб, как пригладит эти волнистые русые волосы, которые так славно курчавятся над точно отполированной нежной раковиной уха...

— «Володик, хороший, славный!..» — думала она и понимала, что нет ничего в мире, чего бы ни сделала для милого своего... Тут Елена вспомнила, что нельзя, чтобы кто-нибудь увидел у нее Горянского, так как его разыскивают и это опасно; гарсон может проболтаться. Забрала сама свертки и бутылки, отпустила гарсона, дав ему случайно завалившиеся пять су, и пошла в сторону, прижимая к себе пакеты, хотя была уже близко: все боялась, чтобы не подглядел за ней хитрый мальчишка. Внутренне побранила себя за то, что не вспомнила этого сразу и взяла с собой мальчика. Нарочно шла долго в обратном направлении...

Лишь когда увидела, что нет никого вдали, кроме случайных прохожих, повернула к себе. Шла торопливо. Думала, что еще три дня будут они безраздельно вместе с Володей... Еще три дня, а

дальше... Дальше они, правда, тоже будут вместе... Вообще Елена не представляла себе своей жизни без Горянского, но дальше у него будет дело!.. Величественное... Смелое... И сложное, которого она не понимала и боялась, — боялась больше русской княжны, ибо знала, чувствовала каким-то подсознательным инстинктом, что, невзирая на всю его любовь к ней, Елене, — она для Горянского все же меньше, чем его дело.

Она женским чутьем представляла себе дело в виде большой, сильной и любимой соперницы, чувствовала неопределенную безликую ревность, в которой она сама себе стыдилась сознаться...

Вот ее маленькая скромная парадная!.. Вот улыбающаяся консьержка...

С тех пор, как Елена поместила к себе Горянского, ее встречали с какой-то особенной улыбкой. Правда, она выдала его за двоюродного брата; правда, он был болен, но все же эта улыбка тонкого женского понимания не сходила с губ консьержки после переселения Горянского...

Поднялась по лестнице на пятый этаж. Вынула из сумочки ключ (уходя, она заперла Горянского). Щелкнула задвижкой и вошла в маленькую прихожую. Заглянула в комнату: Горянский спал. Сняла шляпку, положила свертки на окно и минуты две, любуясь, смотрела на спящего...

Он спал, беспокойно бормоча негромко какие-то слова:

— «Свинец... гелий... уран... опять свинец... Нет, радий, только радий!..»

Выражение лица его изменилось, стало веселым, как у ребенка.

«...Радий...» — шептал он, улыбаясь во сне. — «Победа... Радий...»

Елена наклонилась над ним, осторожно, боясь разбудить, дотронулась губами до влажного горячего лба.

— «Володик, милый!.. Даже во сне он думает об этом своем, мужском и далеком!.. Выздоровливай скорей, мой мальчик!..» Еще раз поцеловала его в лоб и осторожно, боясь шуметь, стала разворачивать фанконовские свертки. Тихо прошла в кухню. Газовая плита не работала — газопровод уж два дня был испорчен... Поставила чайник на примус и долго задумчиво глядела на холодное синее пламя, любовно лизавшее дно и бока медного чайника.

Под ровное спокойное гудение примуса было так хорошо думать...

Прошла в комнату и опять смотрела на Володю.

Луч солнца ласковый, быстрый, жаркий скользнул ему на лицо. Уколола ревность: как смеет солнце целовать милого?!

Хотела задернуть занавеску, но было поздно, — Горянский проснулся.

— «Елена, ты?! — Я не слышал, как ты вернулась... Меня разбудило солнце... Ты знаешь — я видел сон: будто мы с тобой взлетали все выше и выше к солнцу двое, и только жаль было, что кто-то третий остался на земле...

— Мы мчались, как свет!..

— И вдруг солнце разбудило меня... Я проснулся и вижу тебя наяву! Иди ко мне!..»

Елена подошла и села на край кровати. Горянский потянулся к ней жадно, как к цветку...

— «Успокойся, милый!.. тебе вредно...» — говорила Елена, отвечая на его слабые, но бурные поцелуи. — «Успокойся, детка!.. — Хочешь, я принесу тебе молока?»

Она осторожно высвободилась. Через минуту вернулась со стаканом и булкой.

Горянский жадно пил горячее молоко, а Елена рассказывала ему, как звонила на остров.

— «Умница!.. — похвалил Горянский, — «значит, ты хорошо запомнила все, что я тебе объяснял перед тем, как свалился.

— «Володя!» — обиделась Елена, — «я всегда хорошо помню то, что ты мне раз показал!.. — Хочешь, сейчас включу радио-телефон?..» — и она поднялась было с кровати...

— «Не надо... не надо, милая! я и так верю...»

— остановил Горянский и пробормотал задумчиво:

— «Да, послезавтра Чемберт вышет за нами Л/З... — Хорошая машина. — Менее чем в восемь часов перенесет она нас на своих широких крыльях из Парижа на остров.

— Елена, а ты не боишься связать свою участь со мной, — полусумасшедшим изобретателем, — с преступником-анархистом?..

— Идиоты! — они считают меня преступником!.. Они думают, что там, в лаборатории, я готовил покушение на их правительство... Они думают, что во время пожара сгорел я, безумный анархист, вместе со своей лабораторией!..

Чины парижской охраны, вероятно, получат награду... Тут пахивает орденом Почетного Легиона в петличке...

Официально считается, что они уничтожили опасного государственного преступника... — О, ослы! Ведь если бы я захотел!.. Смотри, Елена».

Он с трудом своей ослабевшей после болезни рукой поднял с постели маленькую четырехугольную, похожую на большой портсигар, металлическую вещицу, очевидно, очень тяжелую, с которой он не расставался даже во время болезни, и показал ее Елене... Та вспомнила, что даже в бреду он прижимал эту вещь к себе, и свои напрасные попытки убрать ее с кровати...

— «Смотри, Елена: вот здесь в этой маленькой металлической коробке сосредоточена страшная, неизмеримая сила: стоит нажать вот этот незаметный рычажок и отсюда вытечет один атом освобожденного радия, и этого будет более чем достаточно, чтобы взорвать весь Париж!»

Глаза Горянского заблестели лихорадочном блеском... Он приподнялся в рубашке, сбросив с груди одеяло...

Бледный, красивый и страшный, прижав тесно к себе левой рукой Елену, заговорил, безумно присасываясь поцелуями:

— «Положи свой маленький пальчик сюда... вот так!..» Елена почувствовала упругое сопротивление кнопки и ей почему-то вдруг стало страшно...

— «Хочешь, Елена?.. В твоей власти сейчас жизнь всего Парижа!.. И наша!.. Один нажим этого розового пальчика, детски наивного, такого изящного, который я люблю задумчиво целовать, не спеша... и все полетит ко всем чертям!.. — Париж!.. Правительство!.. Охранка!.. Богатые, бедные — все!..

— Погибнет весь город, все вокруг на пятьдесят верст в окружности... Погибнем и мы...

— Четверть секунды — и мы превратимся в тончайшие продукты распада атомов!.. Мы и не заметим, как перейдем в ничто!..

— Жизнь или смерть? — Хочешь, Елена?»

— «Жизнь!.. С тобой!.. Милый, не надо!..» —

в нервическом испуге воскликнула Елена, отдергивая палец от страшной кнопки. — «Люблю!.. С тобою жить хочу! Вдвоем!.. Вместе!.. Не надо... не надо смерти!..» Страстно, безотчетно прижалась она к Горянскому... Их губы соединились мучительно и долго... Смертоносная коробка с грохотом упала на пол. Глаза Елены сладко и безумно запрокинулись в глаза Горянского... Ей чудилось, что она отнимает его у смерти... А ему казалось, что к нему пришла сама жизнь, бившая ключом в ее упругом податливом теле, и обнимает его просто и пьяно... И в объятии упругих тел жизнь и любовь торжествовали над смертью...

Глава 3. Горянский

Горянский прибыл в Париж более двух месяцев тому назад. Почти все было готово для осуществления его идеи: рабочие, втайне из разных мест собранные на остров, башни радио, сотни машин, — мастерские и приборы, порученные его «altro ego» — его верному другу — Чемберту. В одном из эллингов острова, тщательно укутанные парусиной, скрывались почти законченные мощные формы «Победителя»...

И все же этого было мало: главного, души аппарата — двигателя пока еще не доставало. Горянский был инженером, но он мало походил на этих людей, почти всегда узких и ограниченных, практичных и меркантильных дипломников, выше всего ставящих карьеру и трезвую выгоду сегодняшнего дня, тупых и косных мешан.

— Да, как это ни странно, но инженеры — «творцы Фаустовской культуры», по меткому выражению Шпенглера, — почти всегда мешане. Особенно — заграничные, — эти тупые рутинеры, техники мысли, которые, приделав крантик или подставку к раньше существовавшему прибору, уже считают себя новаторами.

Техника керосиновых примусов, чайников, лампочек, освещающих будуары и уборные, электрических ковров, согревающих ножки дам полусвета и света, техника тысяч деталей буржуазно-мещанской «обстановочки» цивилизованного готтентота, — вот их ближайшие цели...

У них все реально, практично и трезво, все полно вульгарного здравого смысла, все достижимо... Никогда не увлекутся они высокими задачами, никогда не поставят целью невыполнимого...

Бывают конечно, и среди них радостные исключения, которыми только и жива техническая

мысль и культура Запада. Но их немного, а основная масса — мещане, до ужаса трезвые и практичные.

Русские инженеры интереснее и безумнее, но их мало и в их распоряжении неизмеримо меньше технических средств и возможностей... Горянский был одним из безумнейших: только невыполнимое, только непреодолимое привлекало его.

Он был истинным поэтом техники, только поэмы его создавались из проволоки и железа.

Он рифмовал безумие в изумительнейших триолетах из стали... Его электрические сонеты, излучавшие молнии, могли смело поспорить с сонетами Петрарки.

...Еще в шестом году, во время баррикад в Москве, ему случайно пришлось столкнуться с остатками работ гениального русского химика и революционера Кибальчича, удушенного царским правительством, которые сохранились в архиве полиции.

...Еще раньше в мозгу Горянского мелькала мысль о возможности окончательной победы над пространством, о реальном преодолении страшных миллионо-верстных промежутков пустоты, отделяющих островки жизни во вселенной, отдельные планеты друг от друга.

Работы Кибальчича, детски наивные, принимая во внимание технические возможности

его эпохи, и в то же время ослепительно-дерзкие по изумительной силе и простоте основной мысли, захватили Горянского. Он имел раньше в виду другой принцип: он хотел использовать энергию света, наполняющую отдаленнейшие уголки вселенной, положив в основу закон лучевого давления, открытый русским физиком Лебедевым...

Но Горянский, человек, получивший высшее техническое образование в России и за границей, прекрасно сознавал, что при современном состоянии техники этот принцип, теоретически, безусловно, верный, практически неосуществим...

И тем не менее, корабль вселенной — машину, преодолевающую космические пространства, построить можно.

Горянский был убежден, что за эпохой летания над землей последует эпоха заатмосферного, космического полета.

Он стал работать в этом направлении.

Ему пришлось ознакомиться с работами русского ученого Циолковского, с проектом француза Эснопельтри, и он увидел, насколько верна и даже близка к осуществлению основная мысль погибшего Кибальчича.

Горянский оставил свой первоначальный план об использовании лучевого давления и стал производить изыскания в направлении работ

Кибальчича, Циолковского и Эснопельтри.

Горянскому досталось богатое наследство: план, проект и теория заатмосферного полета были фактически разработаны этими его предшественниками. Циолковский до мелочей разработал схему междупланетного корабля, теоретически, безусловно, верную; и Горянскому, после продолжительных проверок, удалось открыть лишь незначительную ошибку в вычислениях Эснопельтри.

По работам предшественников Горянский сознавал себя на верном пути... Как новый космический мореплаватель, он стоял перед безграничным межзвездным пространством и чувствовал себя междупланетным Фультоном...

Но не было двигателя...

Работы предшественников давали лишь принцип; двигатель должен был найти он сам, и в этом, собственно, и заключалось решение вопроса. Это не было невыполнимой задачей, как первый проект, — это было трудно, сверхчеловечески трудно, но в конце концов осуществимо.

Когда Горянский понял это, когда увидел, что, действительно, близок к решению одной из красивейших задач, которую когда-либо ставило себе человечество, — он стал беречь себя, перестал подставлять свой спокойный лоб под нелепые казачьи пули...

Было бы бессмысленно и глупо ему, будущему планетному Колумбу, погибнуть от руки жандармов и штыков где-нибудь в московских тупичках и переулочках.

Горянский покинул Москву и такие красивые, увлекавшие его раньше баррикады.

Его друг, англичанин Чемберт, скучающий турист, фланер, объездивший весь мир, и от скуки решивший поиграть со смертью под красным флагом, последовал за ним. Мысль о возможности междупланетных сообщений, мысль о реальном проникновении на отдаленные миры, обожгла мозг Чемберта. Глубокий энтузиаст и мечтатель под пеплом холода и безразличия, искавший всю жизнь и не знавший, куда бросить себя, он нашел, наконец, выход для своей заглушенной энергии и предоставил Горянскому себя и свое очень большое состояние для достижения цели.

Его отец, богатый торговец, латыш по происхождению, женился на единственной дочери владельца одной из крупнейших английских фирм, оставшейся миллиардершей после смерти отца. Чемберт унаследовал одно из самых больших в Европе состояний.

Горянский — истинный пролетарий, родившийся от отца-рабочего и матери-интеллигентки, не имевший ничего, кроме своих рук, знаний и дипломов, — которому еще в

гимназии приходилось содержать себя своим трудом, увидел в своем распоряжении свыше двух миллиардов на текущем счету английских и французских банков.

Он инстинктивно презирал буржуазию и случайно подружился с Чембертом лишь потому, что тот показался ему немного Агасфером, бродягой, мечтателем, выходящим из рамок класса.

Горянскому приятнее было бы, конечно, достичь победы собственными силами, и сначала он чувствовал себя как-то странно, пользуясь деньгами Чемберта, но потом, когда увидел искренний энтузиазм последнего, когда понял, что идея обожгла Чемберта не меньше, чем его самого, — тогда Горянский успокоился и стал рассматривать происшедшее, как акт своеобразной справедливости, когда буржуазия, в лице Чемберта, возвращала прогрессу и человечеству кристаллизованный в золоте человеческий труд, награбленный в течение столетий.

В Чемберте Горянский нашел незаменимого помощника, товарища и соратника.

Горянскому не хотелось окружать свои опыты рекламной шумихой и газетной трескотней.

Кроме того, он боялся, что в атмосфере надвигающейся войны... а его работы были так близки к уничтожению, к смерти, к исследованию разрушительной силы внутриатомной энергии; его

достижения захотят использовать для убийства и войны, которые были ему глубоко омерзительны.

Потом он еще боялся, что ему могут помешать довести дело до конца....

Рассчитывать на правительственную помощь было бы, конечно, нелепо... Ему могли бы дать миллиарды на дредноуты, пушки, подводные лодки и т. п., но не дали, бы, разумеется, ни копейки на постройку междупланетного корабля, отнесясь к этому, в лучшем случае, с иронией, сочтя его просто за тихого помешанного.

Правительство буржуазной Европы, правительство царской России могли только помешать осуществлению его планов. Состояние Чемберта являлось в данном случае прямо манной небесной и Чемберт буквально спасал идею Горянского, как однажды на баррикадах в Москве спас его самого.

...За не особенно большую сумму в пятьдесят тысяч долларов они купили целый маленький остров, — один из бесчисленных островков мало исследованной группы Самоа.

Плату внесли частью деньгами, так как туземцы вели торговлю с соседними островами и имели представление о деньгах, частью порохом, табаком, дробью, ружьями, одеялами и спиртом.

Невзирая на все протесты Горянского, которому не хотелось спаивать туземцев, пришлось

пойти и на это, так как иначе вождь племени островных туземцев, по имени Чигринос, не соглашался на сделку, заявляя, что какой же он будет царь, если не омочит губы и горло солнечной влагой радости, — так поэтично и пышно именовали островитяне спирт...

Чигринос считал необходимой выпивку в связи с продажей острова и приобретением взамен одеял, пороха и ружей, делавших его, по его мнению, могущественнейшим повелителем в мире.

Горянскому был очень смешон этот вождь, — Чигринос, казавшийся ему типичным по глупости, жадности и продажности образцом правителя вообще, не исключая и цивилизованной Европы.

Глядя на эту комичную фигуру, с головой, утыканной перьями, с необычайным убранством, причем из одного уха свешивался легкий алюминиевый портсигар, а возле другого болталась перламутровая трубка, — в нос, уступая традициям старины и отеческим преданьям, он воткнул просто страусовое перо, — Горянский думал, что по существу пестрое убранство Чигриноса не хуже и не лучше, чем цилиндр и фрак какого-нибудь европейского президента или мундир, ленты, эполеты, золотое шитье и лосевые штаны любого российского генерала. У Горянского мелькала ироническая мысль, что если бы переодеть на наш лад этого очаровательного малого, то из него,

вероятно, вышел бы недурной российский губернатор.

При заключении договора было поставлено особое условие, что Чигринос освобождает им необходимую для построек землю, хотя бы для этого пришлось выселить с острова часть племени.

Вождь островитян — «отец народа» согласился на это с легким сердцем, совершенно беззаботно, подобно правителям цивилизованных стран или российским министрам, легко распродававшим оптом и в розницу отечественную территорию иностранным банкирам за небольшую взятку, — и быстро покончив с этим маловажным, по его мнению, вопросом, перешел к определению количества пороху, одеял и ружей, и особенно священной солнечной воды.

Однако, на деле это оказалось труднее, чем думал мудрый Чигринос, и при водворении на острове людей и машин пришлось неоднократно прибегать даже к угрозе вооруженной силой для освобождения нужной территории, невзирая на то, что все условия Горянским и Чембертом были соблюдены, и плата Чигриносу была внесена вперед. В конце концов удалось все устроить, так как для туземцев было вполне достаточно меньшей, более возвышенной части острова. И даже удалось наладить вполне дружественные отношения с Чигриносом и его подданными.

Горянский очутился в роли неограниченного владыки этого пустынного клочка земли, а Чемберт ревностно исполнял обязанности первого министра.

Чигринос в данном случае исполнял роль дипломатического представителя дружественных пограничных держав, с которыми сохранялись добрососедские отношения.

Горянский часто в шутку сам называл себя островным кациком, — сыном луны и неба и младшим братом Чигриноса.

За восемь лет, которые истекли со времени переселения на остров, было сделано многое: пустынный заброшенный островок по внешнему виду напоминал, самое меньшее, германский фабричный поселок. Башни радио, эллинги, починочные мастерские представляли главную массу построек.

Возле башен возвышался двухэтажный каменный домик, где жили Горянский и Чемберт.

Дальше раскинулись маленькие одноэтажные домики для рабочих, добрая половина которых обзавелась уже женами из числа очаровательных согражданок Чигриноса (Горянский, по совету Чемберта, не брал женатых рабочих и теперь, приехавши, рабочие акклиматизировались и начинали вращать в островную почву семейственными корнями). Правительство островитян, как именовал Горянский иногда себя и

Чемберта, могло быть спокойно за будущее островного племени.

Но дело Горянского все же медленно, слишком медленно, подвигалось вперед: два года потратил он на необходимые закупки, на заказы машинных частей в разных странах, на доставку их на остров, и вообще на организацию островных мастерских и островной жизни, и сверх того восемь лет упорной работы на самом острове, — всего около десяти лет протекло с тех пор, как у Горянского явилась мысль положить в основу своих изысканий принцип Кибальчича, а все-таки дело двигалось до обидного незаметно...

Давно уже были собраны отдельные части машин, выполненные на лучших европейских и американских заводах, давно все схемы и диаграммы возможного полета, пересмотренные тысячу раз и проверенные, лежали в специальных папках, но двигателя — этой таинственной души машины, ее всеоживляющего сердца, ее основного и отправного импульса, — все еще не было...

И в двадцать пятый раз снималась с якоря «Мария», прекрасная турбинная паровая яхта, служившая для сообщения острова с внешним миром, которую Чигринос за резкие пронзительные гудки сирены прозвал «железной рыбой белого человека, кричащей со злости», — и в двадцать пятый раз пересекала океан, чтобы перевезти новые

материалы для новых опытов...

И в сотый, в тысячный раз, в течение десяти лет с непоколебимым мужеством и стальным упорством принимался Горянский за повторные опыты и медленно, слишком уж медленно приближался к цели...

Гигантская скорость, — свыше десяти верст в секунду, нужна была ему, чтобы привести в действие машину.

Он же за время своих многолетних опытов с трудом добился шести верст и дальше не подвинулся ни на шаг.

Между тем, время шло и, невзирая на всю экономию Чемберта, невзирая на то, что почва острова давала хороший урожай и содержание рабочих им почти ничего не стоило, средства все же постепенно иссякали.

Отчаяние начинало охватывать Горянского: неужели из-за недостатка денег остановится великое дело, неужели проклятое золото — символ человеческого порабощения и унижения, восторжествует и тут!

Несколько раз он впадал в умственную и нервную проstration, и если бы не Чемберт, который заботился о нем, как о ребенке, то он, может быть, покончил с собой.

Наконец, тоже по настоянию Чемберта, Горянский на последние деньги отправился в

Париж, чтобы заняться изысканиями с радиом. Это была его последняя ставка, последняя конвульсивная попытка спасти свое дело.

Если и это не удастся, если он не найдет этих проклятых, недостающих ему четырех верст в секунду, — машина не полетит, его «Победитель» станет побежденным, он не сдвинется с места, он инертной грудой бессмысленного мертвого металла будет лежать под крышей эллинга!..

...Тогда Горянский — банкрот, тогда он обманул Чемберта и попусту растратил его состояние!

Но первые же опыты с радиом убили пессимизм и возбудили энергию Горянского.

Он снял квартиру в отдаленном глухом предместьи Парижа, устроил себе на скорую руку походную лабораторию и работал, работал с утра вечера, а иногда и целыми ночами, как бешеный. У него появилась вера в успех; опыты с радиом дали неожиданно блестящие результаты, открывалась возможность получения еще большей скорости, чем было нужно... И, кроме того, еще одна возможность, настолько сказочная, что он сам боялся в ней себе признаться.

Горянский продолжал упорно работать и даже нарочно до получения определенных результатов не хотел ничего сообщать Чемберту на остров, с которым мог ежедневно общаться, благодаря

усовершенствованному им радиотелефону.

...Вечерами, совершенно истомленный от упорной сосредоточенной работы, он выходил подышать свежим воздухом прогуляться по тенистым бульварам...

Там он встретился однажды с Еленой.

Горянский принял было сначала ее за гризетку, за одну из тех бесчисленных ночных женщин, которые наполняют бульвары и главные улицы всех больших городов Европы, в особенности Парижа, и равнодушно прошел мимо.

Но потом его поразила небрежность ее костюма и торопливая походка (она шла из редакции домой и боялась, что консьержка закроет двери и придется долго стучаться) и он заговорил с ней, неожиданно для самого себя, может быть, потому, что ему инстинктивно почуялось что-то русское в ее манере и движениях.

Она не обиделась и не рассердилась. Отвечала спокойно, просто, с большим достоинством.

Ее низкий серебристый голос ласкал уши и заплетал хорошими прядями утомленный мозг Горянского.

Она рассказала Горянскому, что работает в «Пти Журналь» в редакции, и когда Горянский попросил у нее разрешения зайти к ней завтра вечером в редакцию, она не ответила отказом.

Они стали встречаться почти ежедневно; и эти

встречи служили для Горянского приятным отдыхом после напряженной ночной работы.

Правда, у него были еще официальные знакомства, было одно семейство княгини Тамирской, дочь которой княжна Анна (познакомился он с ней еще в России) была влюблена в него по уши.

Но его врожденная нелюбовь к буржуазии и аристократии мешала ему чувствовать себя свободно в их вылощенном аристократически-мещанском салоне, и он не знал, о чем ему говорить с этой влюбленной в него, но чуждой ему, красивой напыщенной барышней. Горянский не умел и не хотел быть кавалером, — «кавалериться», как он иронически иногда выражался; и сознание, что ему внушают какую-то роль и что он должен как-то держаться и что-то делать, — внушало ему чуть ли не отвращение и ненависть к красивой княжне, которая в конце концов была виновата лишь в том, что его любила.

С Еленой же Горянскому было просто и хорошо, и уже каждый вечер он провожал ее из редакции до дому, и они незаметно сближались все больше и больше.

Один раз Елена оказала ему неожиданную услугу: у нее через редакцию были знакомства в электрохимическом институте и ей удалось устроить Горянскому возможность приобрести

необходимый для опытов гелий по необычайно низкой цене.

Это расположило Горянского к ней еще больше...

Скоро он узнал ее несложную историю:

Дочь англичанина-врача, попавшего в Россию, Елена с детства росла в очень скромных условиях, граничащих с бедностью.

Отец ее умер рано. Она окончила гимназию в Питере и поступила на Бестужевские курсы, окончить которые ей не пришлось, так как нужно было содержать и себя и мать. Хорошее знание языков помогло ей найти место воспитательницы детей в богатом французском семействе, с которым она и уехала в Париж после смерти матери. Там с большими усилиями, тоже благодаря исключительному знанию языков, она устроилась в «Пти Журналь», как переводчица международной хроники...

После смерти матери она — одна, совсем одна на белом свете...

Горянский сказал о себе, что он инженер и работает над изобретением, которое должно доставить ему большие средства.

Так они встречались друг с другом... Время шло... Настроение Горянского было совсем радужным; он почти уже получил необходимую ему скорость... И, кроме того, то, другое, что

казалось ему невозможным, — предстало перед ним во всей своей фантастической реальности...

Оставалось еще раз проверить и резюмировать добытое в форме портативного удобного прибора.

Горянскому казалось, что победа совсем близка.

Еще усилие и напоенный сверхчеловеческой мощью «Победитель» прорежет земную атмосферу, чтобы взлететь к звездам... Как вдруг совершенно неожиданно он открыл, что за ним следят!..

Вечером, возвращаясь после прогулки с Еленой, Горянский заметил, как быстро прошмыгнули две тени, когда он входил к себе в дом.

Ночью, когда он нарочно неожиданно погасил свет в лаборатории, он ясно увидел на мгновение два глаза и приплюснутый нос в стекле окна.

Ему вспомнилось старое революционное время, когда он спасался от шпиков в России...

Что ему было делать? — Бросить все и возвратиться на остров, не доведя до конца работу?

Но это было бы непростительным малодушием.

Пойти к префекту полиции и объяснить ему все.

Но он не хотел открывать тайну своих работ и потом ему, вероятно, все равно бы не поверили.

— Как же быть?..

Мысль о том, что необходимо что-то сделать, как-то выпутаться преследовала его неотступно.

Один раз в разговоре, неожиданно для самого себя, он сообщил Елене, что за ним следят. Его необычайно обрадовало то простое, открытое сочувствие, с каким встретила столь неприятную новость эта девушка, с которой ему было так хорошо и которую он уже начинал любить...

Она сразу же предложила ему, в случае надобности, свою квартиру, обещала помочь скрыться и добавила, что завтра же через бывавших в редакции, имевших какие-то связи с Парижской охранкой знакомых эмигрантов она выяснит, в чем дело...

...На другой вечер она встретила его с очень серьезным лицом и передала, что дело обстоит совсем плохо: охранка, которая последнее время была почти без работы, решила воспользоваться случаем и инсценировать в его лице прекрасный политический процесс...

Его считают опасным преступником-анархистом, готовящим с помощью адской машины покушение на правительство.

За его лабораторией, действительно, всегда следит сыщик и, что хуже всего, в конце этой недели Горянского собираются арестовать...

...Горянский горячо благодарил Елену. Его

работы были почти закончены. План действий моментально возник у него в голове.

— «Если вы столько сделали для меня до сих пор, то вы поможете мне и впредь, не правда ли, мадемуазель Родстон?»

— «Да», — ответила Елена просто, — «я сделаю все, что сумею...» — и протянула Горянскому свою маленькую нежную руку, которую тот крепко пожал... И это пожатие послужило как бы скреплением их нарождающейся дружбы и любви...

— «Завтра, в час ночи — быстро проговорил Горянский, — вы наймете фиакр, не считаясь с ценой, и самый быстроходный, и законтрактуете его по часам на всю ночь. Вы будете ждать меня на втором повороте от переуллка, где я живу, в течение десяти минут... Если я не появлюсь там к этому сроку, то, не спеша, нарочито шумно, всячески обращая на себя внимание, вы пойдете по направлению к моей лаборатории...

— Будет хорошо, если вы запоете какую-нибудь шансонетку (если только, конечно, не найдете этого неудобным). Как бы сильно вас ни поразило то, что там произойдет, — не пугайтесь и не беспокойтесь за меня серьезно, но внешне проявляйте свои чувства как можно более эффектно и шумно: кричите, зовите на помощь, даже, если это вас не затруднит, расплачьтесь, вообще не

бойтесь и действуйте открыто и громогласно... — Вот вам программа на завтрашнюю ночь, если хотите оказать мне большую услугу... А сейчас разрешите показать вам дорогу в мою лабораторию и вообще считать своей гостьей на сегодняшний вечер...»

Мягкой улыбкой Елена выразила свое согласие, и они, смеясь и оживленно болтая, дошли до квартиры Горянского.

В лаборатории сидели недолго: — Елене надо было утром рано в редакцию, но все же здесь, над колбами и ретортами, над сложными приборами, значение которых объяснил Горянский изумленной Елене, в обстановке, похожей на пещеру средневекового чародея-алхимика, — они поцеловались, поцеловались впервые!..

И наивность ее молодого, только что расцветшего чувства, прикосновение нежных, немного холодных, губ, ее невысокая упругая грудь и все ее крепкое, свежее тело, так хорошо прижавшееся к Горянскому в объятии, — опьянило его легко и радостно, как бокал «Клико», и наполнило новой бодростью и уверенностью в победе.

Целовались и сидели в сумерках, тесно прижавшись, как дети. И нарочно не зажигали света...

Было радостно обоим и хорошо вместе... И в

целом мире не нужно было больше никого...

Но истекало время и надо было расставаться: величие идеи у него и забота будней у нее нависали жестоко над любовью...

На прощанье вспомнил об обыденном и просил ее забрать необходимейшие вещи, так как завтра думал переехать к ней. И она собрала, по указанию, вещи и с женской практичностью захватила разбросанные по полу консервы.

Распределили свертки и Горянский проводил Елену почти до половины дороги. Потом нанял ей фиакр, усадил, пожелал спокойной ночи, поцеловал на прощанье и радостно возбужденный вернулся в лабораторию.

Он работал напролет всю ночь до рассвета, не чувствуя усталости, и к девяти часам утра в металлической плоской коробке, похожей на большой портсигар, перед Горянским лежал результат его десятилетних исканий.

Перед ним была возможность вскинуть к звездам грузное тело «Победителя»! — Душа двигателя междупланетного корабля лежала на столе и, кроме того, совершенно неожиданно открывалась другая побочная возможность, найденная случайно, но укреплявшая и дополнявшая победу...

Перед Горянским открывались необычайные и грандиозные перспективы... Его немножко

смешила мысль, что какие-то полицейские, какой-то глупый префект Парижа хочет арестовать его, — его, человека, в руках которого, вот в этой маленькой коробочке, сосредоточена страшная, стихийная сила, которая может не только перенести космический корабль через безграничные пространства, но и легко уничтожить полмира, если бы только он захотел употребить ее во зло...

Горянский подумал, что то же французское правительство предложило бы ему, что угодно, чтобы только получить в свое распоряжение для военных целей эту грандиозную разрушительную силу.

...Теперь, когда работа была окончена и достигнутый результат — металлический итог лежал перед ним, — Горянский сразу почувствовал страшную, непреодолимую усталость. С трудом, отчаянным напряжением воли, преодолевая сон, он сделал кой-какие приготовления на завтра и, свалившись на кушетку, не раздеваясь, мгновенно заснул, как убитый... До позднего вечера он проспал...

Ровно в час ночи Елена Родстон, с сильно бьющимся сердцем, стояла у фиакра, на условленном повороте переулка и, пользуясь слабым светом фонарей фиакра, следила за

медлительной стрелкой...

Десять минут прошло — Горянского не было... Елена велела вознице ждать и сама, волнуясь, пошла к лаборатории.

Елена совсем не представляла себе, что будет делать Горянский, но твердо решила, что бы ни случилось, — помогать ему до конца, даже если придется рисковать жизнью.

Она хорошо помнила наставления Горянского и потому старалась идти как можно более шумно, — нарочно шаркала подошвами, а, подойдя ближе, стала неуверенно напевать вслух серебристым голоском модную шансонетку...

Приближаясь, она заметила, как влево за деревьями, возле лаборатории, мелькнула тень: сыщик дежурил на посту! У двери Елена с недоумением остановилась: откровенно говоря, она не знала, что ей нужно делать, но в то же время она до боли ощущала, что за ней сзади усиленно наблюдают: ей даже казалось, что ее спина стала прозрачной и ее сзади мягко щупают, щупают глазами... Это побуждало Елену к активности.

Взгляд в сторону показал, что света в окнах Горянского не было: он или же спал или нарочно не зажигал света. Елена снова запела, уже громче (она решила демонстративно разыграть девушку с бульвара, идущую на свидание) и стала громко стучаться в дверь:

— «Эй, вы там!.. Кто там есть?!.. Мосье!» — восклицала она ненатурально грубовато.

— «Отворите!.. Я не привыкла ждать — мои друзья всегда меня дожидаются!..

— Если приглашаете, то отворяйте!.. — А то я уйду!» — и она опять застучала... Ответа не было.

Вдруг послышался шум — будто упало что-то тяжелое... Через секунду страшный грохот и треск лопнувших стекол наполнили воздух.

Елена в ужасе отпрянула от двери — этого она не ожидала — громадный клуб желтого пламени показался из окна! Дым, густой и смрадный, повалил вместе с пламенем из окон и сквозь щели дверей...

Снова грохот, — еще взрыв — и пламя, сразу усилившись вдвое, лизнуло крышу...

Стало светло, как днем. В страшном испуге, забыв всякие инструкции и все на свете, полная ужаса за участь Горянского, Елена принялась изо всех сил ломиться в лабораторию, оглашая воздух криками...

— «Помогите!.. Пожар!.. Спасите!..» — кричала она, как безумная, и билась о дверь, до крови изранив маленький изящный кулачок, но никого не было вокруг и никто не приходил к ней на помощь.

Неожиданно она почувствовала, что кто-то тронул ее сзади за плечо — оглянулась: какой-то

человек невысокого роста, в статском, с физиономией, точно помазанной маслом, стоял возле нее. — «Сыщик!» — подумала Елена (кроме него, никого не могло быть поблизости)...

... — Да не все ли ей равно сейчас, сыщик это или святой — нужно спасать Володю. — Умоляюще кинулась к человеку в статском:

— «Мосье, умоляю вас!.. Помогите!.. Здесь горит человек!.. — Мой знакомый... Я шла к нему в гости... Он сгорит заживо!.. У него, очевидно, что-то случилось, — помогите!.. Спасите!.. Позовите кого-нибудь!.. Я с ума сойду!..»

— «Успокойтесь, мадемуазель», — отвечал ей человек в статском, — нас тоже интересует и уж не в меньшей степени, чем вас, ваш знакомый...

— Поверьте, что мы не дадим ему сгореть — он нам очень нужен...

— Успокойтесь!.. Не плачьте!.. Я сейчас вызову пожарных и пришлю помощь...

— Да, — прибавил он с ехидной улыбочкой — вам, милочка, выпало на долю очень жаркое, слишком жаркое свиданье!..

— Ну, успокойтесь же — я бегу за помощью!..» — и он быстро и ловко, немного приседая, по-заячьи, побежал вдоль переулка и скоро скрылся из глаз следившей за ним безнадежным взглядом Елены.

В отчаянии стояла она перед дверью и думала,

что вот еще вчера разговаривала с Володей, живым и здоровым, и смеялась, а вот сейчас, может быть, он лежит рядом, в нескольких шагах от нее, за стенами этого несчастного здания, — мертвый, погибший мучительной страшной смертью!

И еще думала, что никого в жизни уж не будет так любить, как Володю...

Вдруг!.. Тихонько приотворилась дверь, — из-за нее осторожно выглянуло беззвучно смеющееся лицо Горянского.

— «Володя!.. — захлебнулась Елена неожиданностью, радостью и светлым испугом.

— Так это — мистификация?!.. Так это — ты сам, нарочно?!.. А я-то испугалась до смерти!..»

— «Шпик ушел?» — быстро спросил Горянский.

— «За помощью побежал, — за пожарными... Я его сама просила», — улыбнулась Елена.

— «Да, я видел из окошка, как он помчался зайцем... Ну, бежим, Елена! — у нас мало времени, а шпик проклятый может вернуться...»

Горянский аккуратно затворил дверь, повернул ключ два раза, вынул его и положил в карман; потом взял Елену за руки, привлек к себе и они поцеловались нежно и бурно и побежали, держась за руки, как дети, от пылавшей факелом лаборатории, освещавшей все вблизи, — во мрак, туманный и липкий, но казавшийся им светлым и

приветливым, как их будущее...

Через минуту фиакр бешено мчал их по плохо освещенным улицам предместья...

Скоро потянулись светлые, пылавшие электричеством и газом, площади и бульвары, промелькнули, ослепительные днем и ночью Елисейские поля, и через полчаса Горянский вслед за Еленой подымался по лестнице на пятый этаж, мимо изумленной консьержки, которую не мог привести в себя даже золотой пятифранковик, деловито опущенный в ее ладонь Горянским, решившим разыграть галантного денди.

Только, когда он вошел к Елене, только когда опустился на диван в уютной маленькой простой комнатке, он почувствовал внезапно страшную слабость, разбитость, жаркую сладкую истому и усталость во всем теле.

Это его удивило: ведь он спал перед этим весь день, весь вечер, — почти до самого пожара...

— «Володя, что с тобой, милый? — сказала прижавшаяся к нему было Елена, изумленно отодвигаясь.

— О тебя обжечься можно, ты весь горячий, как огонь...

— Да у тебя ведь страшный жар!»

Мысли Горянского путались, ему стало казаться, что он еще в горячей лаборатории.

— «Уйди, Елена!.. Уйди!.. Горим!..

— Горячо!.. очень горячо!.. ключ затерялся — не отворить...

— Спасать!.. радий!..

— Елена... люблю... Огонь!..» — бормотал он в забытьи.

Елена уложила его на диван, укутала, как ребенка, поцеловав нежно и испуганно, и побежала за врачом.

Напряжение последних дней и усиленная мозговая работа без отдыха, в течение недавних месяцев, не прошли Горянскому даром...

Приведенный Еленой живший поблизости старичок доктор объявил, что у больного нервная горячка...

Глава 4. На остров!

... — «Так ты не хочешь их убивать, Елена? — говорил Горянский, когда после ласк, они отдыхали разнежено и устало на смятых подушках кровати...

— Черт с ними, пусть живут!..

— Все равно: рано или поздно волна рабочей революции сметет эту сволочь...

— А мы будем жить, жить и жить!.. Вся жизнь — наша, мы возьмем ее всю, не правда ли, детка?

— Чего нам ждать?!..

— Дай-ка сюда телефон, Елена!»

— «Не надо, милый... Тебе еще вредно, — ведь ты еще не выздоровел!»

— «Ерунда! — я здоров, как бык, или ты не довольна моими поцелуями?»

— Давай сюда трубку, я хочу говорить с Чембертом... Ведь, подумай, — я совсем забыл его! — Больше месяца я не слышал его голоса!..

— Чемберт — славный, вот увидишь, Елена, он будет ревновать меня к тебе!..»

Елена подвинула к Горянскому прибор, находившийся в маленьком чемодане, включила радио-аккумулятор, быстро распахнула окно и свесила маленькую антенну...

Она хорошо помнила все наставления Горянского, которые тот ей дал перед болезнью, и гордилась тем, что в прошлый раз сама сумела поговорить с островом.

Горянский с кровати любовался ее легкими изящными движениями...

Антенна висела за окном. Солнце отбрасывало от нее сетчатую тень на обои.

Горянский взял трубку и упруго нажал рычажок прибора. — Легкий треск заискрившейся антенны... Мгновение... — искра радио перелетала через океан. — Вот Горянский уже соединился с островом и с улыбкой прислушивался к звукам аппаратной, отдававшимся в слуховой трубке...

Он так привык к острову, что знал, помнил и

чувствовал каждый прибор, каждую машину, как живую: — вот гудит большая правая «А», как большой шмель, медленно, ровно, солидно, с достоинством... Вот «Альфа» и «Бета» — быстроходные современные, частят друг за дружкой, вперегонку, точно два славных игривых мальчугана...

Вот еле слышен серебристый шелест большой островной антенны: Горянский на минуту ясно увидел аппаратную. Он представил себе, как его искра ударила в островную антенну... Звонок!.. Открылась крышка слухового прибора... Кто подойдет к нему? Дежурный телеграфист? Чемберт? Нет, он, вероятно, на работе.

...— «Алло! Остров! Кто у телефона?»

Горянский узнал сразу этот голос у которого ни путешествия, ни известное образование не смогли отбить акцента еврейского предместья.

— «Это — я, коллега Тамповский!

— Я — Горянский, умерший, воскресший и выздоровевший, и собирающийся вам всем задать хорошую взбучку».

— «Здравствуйте, господин Горянский, здравствуйте!.. Уж мы все тут так обрадовались вашему выздоровлению!.. За вами через два дня пошлют аэроплан...

— Вы знаете — небывалая вещь: в России — революция!

— Царь арестован! — Ну что же вы на это скажете, а?»

— «Ладно, ладно... — улынулся Горянский, — об этом после поговорим, а пока попросите к аппарату Чемберта».

— «Бегу, бегу, господин Горянский!»

Горянскому показалось, что он видит, как Тамповский суетливо скатился вниз по лестнице аппаратной.

— «Горянский — вы?» — раздался через две минуты низкий густой голос Чемберта.

Горянский чувствовал, как сквозь внешнюю сдержанность, в голосе этом трепетали и бились нотки радости.

— «Я, дружище Чемберт, я! Звоню из Парижа... Здоров, как стадо четвероногих, и счастлив, как тысяча ослов...»

— А у меня есть женка, Чемберт!.. — маленькая, славненькая и такая хорошенькая... Вот она сейчас стоит у окна и краснеет, что я вам ее расхваливаю.

— Вы, смотрите, не вздумайте за ней ухаживать, а то я теперь выздоровел и кровожаден, как испанец, моментально вызову вас на дуэль!..»

— «Поздравляю вас, мистер Горянский... — Горянский уловил в его голосе оттенок грусти.

— А как ваши успехи?»

— «Великолепно, мистер Чемберт!..»

Идеально!.. Сногшибательно!..

— Я не только добился десяти верст в секунду, но я, кажется, сумею избавить вас от всех материальных затруднений...

— Ликуйте, Чемберт! Мы — Крезы, мы — Ротшильды!.. Богатство всех банков обоих континентов — ничто в сравнении с тем, что будет у нас через два дня!..

— Победа, Чемберт!.. Полная победа!.. «Победитель» взлетит к звездам! — это так же верно, как то, что я сейчас расцелую эту маленькую белую мышку, которая дуется на меня вот здесь у окна...

— Дружище Чемберт, мне надоело дожидаться! — Я здоров, как вагон поросят, как стадо коренастых кретинов...

— Я не могу больше ждать, вышлите за нами машину сегодня же. Я хочу пожать вашу твердую честную руку, хочу вздохнуть воздухом моего острова, хочу видеть моего старшего брата, сына луны и неба — Чигриноса...»

— «Мистер Горянский, — слышался радостный голос Чемберта, — я сделаю распоряжение сию же минуту, только не повредило бы это вам — может, вы еще не совсем поправились?»

— «Пустяки, Чемберт, я крепок, как паровоз... Я готов боксировать с Джонсоном и

бороться с Геркулесом...

— Итак, Чемберт, я вешаю трубку...

— Значит, до скорого свиданья!..

— Л/з уже летит за нами?.. Что? Телефон из ангара испорчен и Мукс бежит в ангар?!

— Люблю Мукса, — очаровательный чертенок!..

— Вы знаете, если он вам будет очень надоедать, отпустите его к нам в Париж, — пусть прокатится по воздуху...

— Кто летит, — Джонни? — Ну, он его наверное, возьмет...

— Я окончательно вешаю трубку... — Значит, через три часа машина прибудет к нам? — До скорого свиданья на острове, дружище Чемберт!..»

— «Собирай пожитки, Елена! Сегодня мы определенно покидаем Париж».

— «Я рассержусь на тебя, Володя, если ты так будешь говорить обо мне своим друзьям. — Тебе смешно, а мне совестно».

— «Не сердись, детка!.. — сказал Горянский, вставая с кровати, закутанный в одеяло, как римлянин в тогу. — Давай помиримся!»

Он привлек ее к себе и вкусно поцеловал, исполняя обещание, данное по телефону Чемберту.

Елена отбивалась, смеясь, и делала вид, что сердится.

Незаметно проходило время.

Звонок внизу напомнил им, что пора отправляться.

— «Это — за нами», — сказал Горянский уверенно. Он был прав.

Елена пошла отворять.

— «Здесь живет Елена Родстон?» — раздался голос в прихожей.

Через минуту маленький черный Мукс в необыкновенной ширины брюках и в тирольской шапке с перьями вкатился в комнату и с радостным восклицанием бросился к Горянскому.

— «Мистер Горянский! Вот хорошо, что вы выздоровели!..

— А как интересно лететь! Какой большой Париж внизу, а сверху — какой маленький!..

— А знаете, — я не боялся, — вот спросите у Джонни!»

Горянский опустил руку в его пышную, черную шевелюру и погладил по голове.

В дверях стояла улыбавшаяся Елена и вошедший Джонни.

— «Гуд дэй, мистер Горянский!.. Аппарат — в вашем распоряжении.

— Когда изволите отправляться?»

— «Сейчас, Джонни, сейчас!» — ответил Горянский, пожимая ему руку и с удовольствием глядя в его крепкое обветренное лицо.

— «Как же мы поднимемся?.. — вспомнила осторожная Елена. — Ведь сейчас — день, тебя знают в лицо. — И потом появление аппарата возбудит всеобщее внимание...»

— «Ерунда!.. — махнул рукой Горянский, — пойдем напролом!

— К чертовой матери шпикив!.. — Они надоели мне хуже горькой редьки...

— Улетим, Джонни, не правда ли? — Ведь французы нас не задержат?»

— «Оль-райт! — мистер Горянский. — Как вам будет угодно, а только не может этого быть, чтобы французы задержали англичанина!..

— Вот только, если мистрис говорит, что вас могут узнать, то разрешите предложить вам это...» — он протянул Горянскому каску авиатора с громадными наушниками и наглазниками.

Это была превосходная мысль — каска делала Горянского совершенно неузнаваемым.

— «Молодец, Джонни! — Беги за автомобилем, Мукс! — Только обязательно закрытый и поприличнее... — Горянский радовался, как ребенок, предстоящему отъезду.

— Позови консьержку, Елена! Квартиру твою мы на всякий случай оставим за собой, она еще может пригодиться...»

— «Мы уезжаем, — заявил Горянский появившейся консьержке. — Квартиру считайте за

нами... Вот вам плата вперед за полгода. За вещами вы присмотрите».

Консьержка удалилась, оглашая воздух изъявлениями преданности и восторга.

Вместо нее появился Мукс, сияющий, и объявил, что автомобиль у дверей.

Елена собирала последние свертки.

— «Где машина, Джонни?» — осведомился Горянский.

— «В воздухе, мистер, над Марсовым полем... На две тысячи метров...»

— «Там, наверху!» — дополнил Мукс, тыкая в потолок черным пальцем.

— «Как? — удивился Горянский, — так вы — не одни?»

— «Нет, — ответил Джонни, — с машиной Апфель... Я спустился у северных предместий, а его послал в воздух... Нас предупреждал Чемберт о предупреждении мистрис и мы приехали к вам на метрополитене, но вы не беспокойтесь: мы можем сообщить Апфелю в любую минуту, на аппарате есть радио-телефон, а у меня в кармане — приемник».

— «Прекрасно, — сказал Горянский, — тем лучше, — мы проучим всех парижских шпигов. — Ты готова, Елена?»

Мукс, Джонни и Елена стали переносить в автомобиль необходимые вещи; Горянский просил

Елену брать с собой как можно меньше.

Потом Елена закрыла дверь и передала ключ консьержке.

Через пять минут все четверо мчались в закрытом автомобиле по направлению к Марсову полю.

Не доверяя слабому приемнику Джонни, Горянский сам привел в действие свой прибор. Минута — и он уже разговаривал с Апфелем:

— «Алло! — Л/З! — Апфель!» — говорил Горянский.

— «Слава богу! — слышался радостный голос летчика, — «а я уже целый час кружу над Парижем, — Джонни и Мукс — с вами?»»

— «Все здесь, успокойтесь Апфель... — Аппарат маскирован на французский лад?»

— «Да, господин Горянский!»

— «В исправном состоянии? — Баки защищены? — Прекрасно!.. Ну, вы — смелый человек, Апфель! — Я надеюсь на вас!..»

— Спускайтесь на 300 метров и кружите над Марсовым. — Через пять минут мы будем там».

Марсово поле было уже близко. Вырисовывался четко огромный, изящный и кружевной абрис Эйфелевой башни.

Над полем кружилось, как и всегда, несколько учебных военных аппаратов. Горянский сразу узнал Л/З — изящная птица парила над полем широкими

плавными кругами; ее маскировка французскими военными отличиями предохраняла ее. Ее, очевидно, принимали за испытываемый новый военный аппарат и мало обращали на нее внимания. Пока все шло прекрасно.

— «Спускайтесь!» — телефонировал Горянский Апфелю.

— «Есть, мистер!» — отвечал Апфель.

Изящная птица резко наклонилась и плавно планировала к подножью Эйфелевой башни, куда медленно подъезжал автомобиль.

Но тут экспансивность Мукса внезапно спутала все планы Горянского: увидев спускавшийся Л/з, не в силах, по-видимому, сдержать душивший его восторг, Мукс мячиком выпрыгнул из автомобиля и бросился навстречу, размахивая белым носовым платком и крича что-то нечленораздельное.

Елена высунулась из окошка и стала звать Мукса обратно.

Шофер остановил автомобиль.

Какой-то человек в военной форме подошел близко к автомобилю и внимательно посмотрел на Елену.

— «Ба! — мадемуазель! Да ведь мы, кажется, с вами знакомы?!

— А как вы думаете, сгорел или не сгорел ваш дружок?»

— «Сыщик! — сразу узнала Елена масляную физиономию. — Боже мой, что теперь будет?!» — она в испуге задернула занавеску и, откинувшись на сидение, задыхаясь, шепнула об этом Горянскому.

Сыщик между тем вскочил на подножку и, откинув дверцу, заглянул внутрь автомобиля.

— «Что же вы от меня спрятались, милочка? — Э, да вас тут трое!

— А сгоревший-то, оказывается, жив! — кивнул он на Горянского, который, как назло, был в этот момент без каски.

— А так вот оно что! — Нас, оказывается, надули!»

— «Парень! — обратился сыщик к шоферу, — я агент полицейской префектуры. Это — государственные преступники, ты мне за них отвечаешь».

— «Милостивый государь! — обратился он к Горянскому, направляя на него револьвер, — я вас арестую. — И вас, барышня, тоже.

— Следуйте за...»

Продолжать ему не пришлось: мощный боксерский удар Джонни опрокинул его с подножки; Апфель, между тем, был уже почти над землей.

— «Вперед!» — скомандовал Джонни шоферу.

Тот не двигался...

Джонни выскочил из автомобиля, выхватил револьвер из рук ошеломленного падением и ударом сыщика и направил его на шофера, уловив его едва заметное движение удрать.

Терять времени было нечего. Горянский, приподняв на руках Елену, посадил ее в аппарат; выпрыгнувший Апфель вместе с огорченным Муксом перекладывали вещи.

— «Пора, Джонни!» — сказал Горянский, когда вещи были уложены и все, кроме Джонни, были уже в аппарате.

И действительно было пора: сыщик, очевидно, уже оправившийся от увесистого кулака Джонни, поднялся и бежал по направлению к военным ангарам. Горянский указал на него Джонни, — Джонни поднял револьвер.

— «Оставьте, не надо, Джонни!» — в один голос воскликнули и Елена и Горянский.

— «Воля ваша, мистер! А только напрасно вы... — Да и этого молодчика, — он указал на шофера, — не мешало бы связать! — Наделают они нам еще хлопот!.. — пробормотал Джонни сквозь зубы.

— «Отправляйтесь, отправляйтесь, Джонни!» — торопил его Горянский.

Джонни влез в машину и, взяв одной рукой рычаг, а из другой не выпуская револьвера, обратился к шоферу:

— «Мы сейчас поднимемся. У нас с собой бомбы. — Если вы двинетесь с места, мы вас взорвем! — Пока мы не улетим, — не двигаться — слышите?» — он положил револьвер в карман и неторопливо пустил двигатель машины. — И — вовремя.

На противоположной стороне поля уже суетились люди; сквозь шум двигателя прорывалось хлопанье ружейных выстрелов, расходились белые дымки по ним стреляли.

Джонни пустил двигатель полным ходом.

Мгновение разбега, когда земля с безумной скоростью уносится назад.

И вдруг поле, автомобиль, ангары стали проваливаться вниз.

Машина плыла в воздухе; могучие контуры Эйфелевой башни появились почти рядом; аппарат огибал башню слева.

Близко проносилась изящная железная плетень башни, легкая и кружевная, хотя сделанная из тяжелого массивного металла.

Видна была кучка людей, смотревших на аппарат, один из них, очевидно лакей ресторана, приветственно махнул передником.

Елена в первый раз летела на аэроплане; голова ее сладко кружилась; Елене казалось, что она немного пьяна; нежно, радостно прижималась она к Горянскому.

Вдруг белое облачко показалось у переплетов Эйфеля; сквозь ровный шум двигателя и шуршанье ветра что-то звякнуло, как будто лопнула туго натянутая струна.

Выстрел с башни пробил крыло аппарата.

— «Год дэм!» — выругался Джонни.

— «Осторожнее, Джонни, дальше от башни!» — крикнул Горянский.

Крутой вираж положил аппарат на правое крыло — Джонни уходил от коварства Эйфеля...

Елена зажмурила глаза — ей показалось, что они сейчас упадут...

Джонни выровнял аппарат, и они пошли на подъем.

Внизу еще стреляли.

Через несколько минут, однако, уже почти ничего не было видно; ангары представлялись маленькими, как игрушечными, и даже Эйфелева башня казалась невысокой темной иглой. На север раскидывалась красочная панорама Парижа, похожая на план или карту; еще несколько минут — и все внизу слилось в сплошное...

Ровный прохладный ветер обвевал лицо, ни одного звука не доносилось; только однотонный шум двигателя нарушал безмолвие. Джонни взял курс на северо-восток.

Горянский закутался поплотнее в меховое пальто, прижался ближе к Елене и, чувствуя

внезапную усталость, опустил голову и на высоте две тысячи метров, на коленях у Елены заснул крепко и сладко, как ребенок.

Через три часа они спланировали на остров.

Глава 5. «Победитель»

«Вот, Елена, — главное дело всей моей жизни!» — сказал Горянский, когда перед ними широко распахнулись двери эллинга и яркий солнечный луч заулыбался на широких железных боках «Победителя».

Горянский поправился и загорел за неделю, истекшую с момента их прибытия на остров. Глаза его утратили лихорадочный блеск и смотрели спокойнее и строже. Голос звучал вдумчиво и глубоко.

Сегодня он хотел объяснить Елене сущность работы, составлявшей смысл его жизни.

Чемберт стоял невдалеке и незаметно, но внимательно вглядывался в Горянского и Елену.

Он изучал ее все время, с момента ее появления на острове, и его враждебность начала рассеиваться. Но оттенок какой-то неопределенной зависти, чего-то похожего на ревность остался в его сознании и теперь. Он внимательно, настороженно ловил каждое выражение ее лица, следя, как менялось оно под влиянием страстной речи

Горянского, показывающего свое детище.

— «Елена, — говорил Горянский, взволнованно расхаживая по эллингу, — представь себе дикаря, стоящего на берегу первобытного океана; — представь себе этот низкий нависший горизонт, это тяжелое мутное небо, эту серую белесую муть, заволакивающую туманом все на расстоянии двадцати-тридцати верст...

...Эти страшные непроницаемые свинцовые воды. И вообрази, что должен был чувствовать первобытный человек...

— Он казался себе былинкой в сравнении с мощью океана.

— «Никогда, — думал он, — не сумею я преодолеть эти неизмеримые пространства воды!.. Никогда не узнаю я, что там на противоположном берегу, и есть ли этот другой берег, или там, за страшными скалами Сциллы и Харибды — конец мира!..» — так, вероятно, думал первобытный человек.

— А сейчас гений Фультона и объединенный труд людей расшвырял по всем морям и океанам паровые суда, и легко во всех направлениях пересекают водные пространства созданные человеком железные громады.

И перед громадным воздушным океаном в изумлении и испуге стоял дикарь, завидуя птицам, и не только дикарь, а лет сто тому назад и

цивилизированный житель Европы 1819-го столетия, говорил: — «Это сумасшествие!.. это невозможно!.. это противоестественно!.. — Никогда человек не сможет летать, как птица!..»

— Совсем недавно, каких-нибудь двадцать пять-тридцать лет тому назад, управляемый полет человека считался совершенно невозможным, и вот сейчас дирижабли и аэропланы пересекают атмосферу земли повсюду, почти не считаясь с расстоянием и погодой.

— И мы сами с тобой, Елена, прилетели из Парижа, пройдя по воздуху больше двух тысячи верст...

— Неужели ты думаешь, что на этом остановится полет человеческой мысли?

— Взгляни на небо!.. Сейчас день, и одно только солнце нашей планетной системы — ничтожнейшее из мириадом солнц, наполняющих вселенную — виднеется на небосводе.

— Ночью видны триллионы триллионов и секстильоны секстильонов иных миров, разбрызганных в пространстве...

— Неужели ты думаешь, что человеческая мысль прекратит свое упругое стремление, неужели ты думаешь, что мы не сумеем проникнуть на эти отдаленные островки жизни, затерянные в пространстве?!.. — Подумай, Елена!.. Как за эпохой ходьбы, езды и плавания последовала эпоха

летания...

— Как за телегой, пароходом и паровозом последовали Монгофлиер, дирижабль и аэроплан, так естественно, логически и неизбежно на очереди за эпохой летания в атмосфере земли должна последовать эра заатмосферного космического летания.

— Я понимаю, что тебе страшно ночью погружать свой взгляд в неизмеримое, страшно даже представить себе эти безграничные холодные пространства, в сравнении с которыми человек меньше, чем былинка перед океаном. — Но тем не менее человеческая мысль побеждает и тут: — «*Sic itur ad astra*»

— Вот надпись, которую я велел высечь на железном борту «Победителя». — «Таков путь к звездам!..»

— Вот один из древнейших заветов человечества, и «Победитель», надеюсь, с честью выполнит этот завет и первый укажет путь к звездам...

— Когда люди чего-нибудь сильно хотели и не могли сами этого добиться, они наделяли желаемыми свойствами свои абстрактные построения — бога или дьявола. Мы знаем, что христианские и эллинские божества в христианской и античной мифологии обладали способностью передвижения в космическом пространстве...

— Мы знаем, что у Гете Мефистофель, схватив ошеломленного Фауста за шиворот, тащит его за собой под звездным паркетом.

— Время басен и сказок прошло...

— Мы не нуждаемся в помощи чертей и богов! — Вот машина, реальная, как ты и твой поцелуй, которая будет переносить людей к звездам.

— И принцип, положенный в ее основу, — чрезвычайно прост:

— Ты видала когда-нибудь по улицам расшалившихся мальчишек, которые, пугая прохожих, взрывают у них под ногами маленькие ракетки — «шутихи»?

И эти мальчишки, беззаботно хохоча и наслаждаясь испугом прохожих, вероятно, никогда не думают, что в своем радостном хулиганстве они лицом к лицу соприкасаются с разрешением величайшей проблемы о победе над межзвездным пространством.

— Точно так же, как об этом, вероятно, никогда не думал какой-нибудь крепостной фейверкер или пиротехник, высеченный розгами предварительно и запускающий в небеса римскую звезду или бенгальский огонь на потеху помещику...

— Точно так же не думал какой-нибудь шалый школьник, запускающий с последней парты

бумажную стрелу с чернильной кляксой на лысину учителя, что он вплотную подходит к вопросу о полете аэроплана...

— От великого до смешного — только шаг! Это опостылевшая пошлая истина; и одно и то же расстояние отделяет бумажную стрелу, несущую чернильную кляксу на лысину педагога, от современного гигантского аэроплана, и маленькую шутиху от межпланетного корабля.

— Взгляни на нашего «Победителя»! — Это не что иное, как громадная ракета, и в то же время это — истинный экипаж вселенной, междупланетный корабль.

— Тебя удивляет, что я говорю о ракете? Тебе кажется, что ракета должна обязательно оттолкнуться от чего-то, и что в безвоздушном пространстве, где она не будет иметь от чего отталкиваться, где у нее не будет точки опоры, — она не полетит?..

— Это неверно! — Ракета по существу является реактивным двигателем, она вовсе не нуждается в обязательной точке опоры, наоборот, она сама создает ее себе; она так же полетит в безвоздушном пространстве и в абсолютной Торичеллевой пустоте и даже лучше, так как там не будет сопротивления; она летит, если так можно выразиться, отталкиваясь от взрыва, то есть, вернее, она движется по принципу отдачи, используя

энергию, развиваемую во время взрыва, и если силу газов, истекающих из нее во время взрыва, мы обозначим, предположим, «2», то сама ракета получит поступательное движение, в силу отдачи, со скоростью 2, независимо от того, находится она в плотной среде или разряженной.

— Мысль о применении ракеты принадлежит не мне: ее разработали еще до меня: — Кибальчич, Циолковский, Эс-нопельтри; но я нашел то, чего им найти не удалось: я создал двигатель «Победителя», — тот самый реактивный двигатель, без которого межпланетная ракета мертва, — вот он!» — Он вынул из кармана и поднял высоко на вытянутой руке ту небольшую коробку, которой он уже однажды так напугал Елену, предложив ей взорвать Париж.

Она невольно отодвинулась от этой маленькой страшной коробки.

— «Не бойся, Елена! — улыбнулся Горянский, — да, здесь сосредоточена необычайная сила, но тебе она не причинит вреда.

— Это — радий, это — тот таинственный металл, который с таким трудом добывали до сих пор люди!

— Я научился разлагать его на составные части и при распадении частиц я получил нужную мне стихийную силу взрыва.

— Нужна громадная скорость — свыше

десяти верст в секунду, чтобы преодолеть земное тяготение и кинуть планету к звездам и потом вести ее в желаемом направлении в пространстве!

— Эта скорость у меня есть.

— Ее мне дал радий. Мало того, — он мне дал еще одно: — мы с тобой сказочно богатые люди, Елена! — Я нашел философский камень древних алхимиков, — мы можем делать золото!

— Я выполнил свое обещание Чемберту, данное по телефону, помнишь? — И в кладовой Чемберта уже имеются слитки золота, полученные радиоактивным путем.

— Текущие неустойчивые элементы дают возможность менять выражение лица природы, сущность которой едина.

— Получить золото не труднее, чем получить свинец, чугун, латунь, олово...

— Одним и тем же способом можно превратить свинец в олово или в золото.

— Сущность материи — едина и капризные изменения ее форм всецело в руках того, кто владеет элементами распада радия: с помощью радия я могу металл или даже минерал превратить в золото.

— Если бы мы захотели, — мы легко бы вызвали крах всей буржуазной финансовой системы, обесценив на рынке золото, — навезя его сотнями пудов...